

RU

Языковая реализация фемининности и маскулинности в современном женском политическом дискурсе Великобритании / Северной Ирландии (на материале видеointervью первого министра Северной Ирландии Мишель О'Нил)

Тимко Н. В.

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению лексико-стилистической и грамматической реализации фемининности и маскулинности в женском политическом дискурсе. Цель работы – выявить личностные и культурно-специфические черты репрезентации фемининности/маскулинности в речи женщины-политика Великобритании / Северной Ирландии. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые при изучении речи женщины-политика анализируются не только фемининные маркеры, но и маркеры маскулинности, более того, эти гендерные маркеры исследуются в сравнительно-сопоставительном аспекте. Это позволяет предложить новый целостный взгляд на речевое поведение женщины-политика и выявить лингвистические способы адаптации этой языковой личности к традиционно «мужской» среде при сохранении своей гендерной идентичности и национально-культурного своеобразия страны, которую она представляет. Полученные результаты показали, что в английском/североирландском женском политическом дискурсе маркеры феминности ярче проявлены на лексико-стилистическом уровне, а маркеры маскулинности – на грамматическом. Однако наблюдается общая тенденция – преобладание маркеров фемининности.

EN

Linguistic realization of femininity and masculinity in contemporary women's political discourse in the United Kingdom / Northern Ireland (based on a video interview with First Minister of Northern Ireland Michelle O'Neill)

N. V. Timko

Abstract. This research is devoted to the study of the lexico-stylistic and grammatical realization of femininity and masculinity in women's political discourse. The aim of the work is to identify personal and culturally specific features of the representation of femininity/masculinity in the speech of a female politician in Great Britain / Northern Ireland. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time, when studying the speech of a female politician, not only feminine markers are analyzed, but also markers of masculinity, moreover, these gender markers are studied in a comparative aspect. This allows us to offer a new holistic view of the speech behavior of a female politician and identify linguistic ways to adapt this linguistic personality to a traditionally "masculine" environment while preserving her gender identity and the national and cultural identity of the country she represents. The results showed that in English / Northern Irish women's political discourse, markers of femininity are more pronounced at the lexical and stylistic level, and markers of masculinity are more pronounced at the grammatical level. However, there is a general trend – the predominance of markers of femininity.

Введение

В последние десятилетия наблюдается заметное увеличение числа женщин, активно участвующих в политической жизни различных стран мира. Если еще сравнительно недавно политическая сфера рассматривалась преимущественно как пространство, требующее маскулинных стратегий поведения и коммуникации, то сегодня женщины-политики все чаще демонстрируют стремление сохранить и подчеркнуть свою гендерную

идентичность, не отказываясь от фемининных черт даже в условиях жесткой конкуренции с мужчинами на политическом поприще. Этот процесс особенно интересен в межкультурном аспекте, поскольку каждая лингвокультура по-своему формирует ожидания от женского поведения в политике, а также способы выражения фемининности в публичном дискурсе.

Актуальность данной темы обуславливается возрастающей ролью женщин в политической сфере современного общества и необходимостью изучения гендерных аспектов политической коммуникации в контексте межкультурного взаимодействия, а также растущим интересом к исследованию взаимосвязи между языком, гендером и властью. Анализ политического дискурса женщин-политиков позволяет выявить универсальные и специфические черты проявления фемининности в политической коммуникации, что способствует более глубокому пониманию механизмов формирования гендерной идентичности в публичном пространстве.

Работа носит междисциплинарный характер, находится на стыке медиалингвистики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

В задачи работы входит, во-первых, выявить и подсчитать лингвистические маркеры фемининности/маскулинности в речи выбранного политика, а во-вторых, на основе количественных данных произвести анализ речевого поведения Мишель О'Нил на лексико-семантическом и грамматическом уровнях.

Для решения поставленных задач применялись следующие методы: метод теоретического анализа, используемый для систематизации фактического материала и выведения определенных закономерностей в процессе описания; метод сплошной выборки, применявшийся для сбора всех примеров из исходного языкового материала, что позволило получить надежную информацию о частотности появления тех или иных лингвистических маркеров в речи исследуемого политика; метод лексико-грамматического и семантического анализа, позволивший комплексно подойти к изучению собранного материала и адекватно интерпретировать те языковые единицы, которые конструируют общий смысл текста; сравнительный метод, при помощи которого сравнивались маркеры фемининности и маскулинности в речи указанного политика, что позволило установить характерные признаки ее «мужского» и «женского» языкового проявления.

Материалом исследования послужило видеоинтервью первого министра Северной Ирландии Мишель О'Нил ("First Minister of Northern Ireland Michelle O'Neill" в телепередаче "The Late Late Show" в 2024 году), а также короткие видео (shorts), представленные на платформе Youtube в 2024 и 2025 гг. Общий объем исследуемого текстового материала – скриптов видеоинтервью – составил 38 565 знаков без пробелов (54 минуты 58 секунд).

Выбор политического интервью в качестве материала исследования обусловлен несколькими факторами. Во-первых, диалогическая природа интервью позволяет наблюдать спонтанные речевые реакции женщин-политиков в условиях непосредственного коммуникативного взаимодействия, что способствует более полному выявлению гендерных маркеров по сравнению с заранее подготовленными публичными выступлениями. Во-вторых, ситуация интервью предполагает необходимость адаптации к вопросам и коммуникативным стратегиям журналиста, что активизирует использование различных лингвистических и экстралингвистических средств самопрезентации. В-третьих, политическое интервью как жанр характеризуется высокой культурной обусловленностью, поскольку каждое интервью разворачивается в контексте определенных национальных традиций политической коммуникации.

Теоретической базой исследования послужили труды А. В. Кирилиной (2021), В. И. Карасика (2024), Е. С. Зиновьевой (2019), С. Н. Большакова и И. В. Лесковой (2024), М. П. Павловой (2024), которые выделили системообразующие признаки политического дискурса и основные характеристики языковой личности. Описание лексико-семантических и грамматических особенностей конструирования гендерной идентичности исследуемого политика стало возможным благодаря трудам Л. В. Копоть (2023), Н. В. Полонянкиной (2022), Т. Г. Поповой и К. А. Кокориной (2020), Е. С. Зиновьевой (2019). В данной статье приводятся ссылки не на все материалы, связанные с проблематикой гендера в языковом воплощении, а лишь на отдельные источники, которые мы посчитали наиболее релевантными для раскрытия заявленной темы.

Практическая значимость исследования видится в том, что полученные результаты могут найти применение в преподавании лингвистических дисциплин и межкультурной коммуникации. Результаты исследования могут послужить основой для сравнительно-сопоставительных исследований в области медиалингвистики, а также внести вклад в расширение научной парадигмы и тематики филологических исследований, выполненных в междисциплинарном ключе.

Обсуждение и результаты

В фокусе исследовательского интереса изучающих политический дискурс находятся вопросы языковой личности – методы языкового манипулирования, стратегии речевого воздействия, характеристика речевого поведения политика, проблемы власти и дискурса, языка и идеологии. В. И. Карасик (2024) говорит о «новом исследовательском маршруте в лингвокультурологии – изучении и описании лингвокультурных типажей, их узнаваемых черт через их речевое поведение». А по определению Е. И. Шейгал, «развертывание дискурса в содержательном аспекте обусловлено лежащими в его основе содержательными гендерными оппозициями – «фемининность» – «маскулинность»» (2008, с. 101). Также рассматриваются гендерные аспекты политического дискурса в целом и политической элиты в частности (Большаков, Лескова, 2024).

В настоящее время общеизвестно, что «различные качества» полов влияют на компетентность говорящего. Причины различий в мужской и женской речевой деятельности заложены в биологических, социальных

и психологических особенностях языковой личности мужчины и женщины. Например, в биологических исследованиях было доказано, что мозг мальчиков и девочек в зародыше развивается по-разному из-за гормонов. В рамках речевой деятельности у мужчин более развито левое полушарие, которое отвечает за логическую стратегию, а у женщин оба полушария (правое отвечает за метафорическую и ассоциативно-эмоциональную стратегию). Таким образом, для мужской речи более характерны абстрактные глаголы и существительные, а для женщин – конкретные.

Н. В. Полонянкина пишет о «компилировании черт мужского и женского стиля коммуникации в политической деятельности» (2022, с. 2580). Л. В. Копоть подчеркивает «трансформацию взглядов на поведение мужчины и женщины под влиянием экстралингвистических факторов, связанных с изменениями в социуме относительно тенденций, моды и аксиологических установок» (2023, с. 104). Что касается лингвистических маркеров мужского и женского, то Е. С. Зиновьева определяет маркеры маскулинности в языке как «языковые механизмы конструирования мужественности» (2019, с. 112), соответственно, маркеры фемининности – языковые механизмы конструирования женственности.

Базируясь на классификации маркеров фемининности и маскулинности, разработанной Е. С. Бадмаевой (2010) и далее с небольшими вариациями представленной в работах Л. В. Копоть (2023), Т. Г. Поповой и К. А. Кокориной (2020), мы определяем гендерные маркеры в речи политиков следующим образом:

Маркеры фемининности:

Лексические особенности: употребление стилистически окрашенной лексики (эпитеты, фразеологизмы, образные сравнения, тяготеющие к высокому/литературному стилю, метафоры, связанные с миром, жизнью, дружбой), семантически опустошенные слова, склонность гипертрофировать ситуацию, вводные конструкции, выражающие уверенность/неуверенность, слова-интенсификаторы и смягчители при констатации фактов, бытовая лексика и эрзацноминации. *Синтаксические особенности:* длинные предложения, сочинительная синтаксическая связь, разнообразный синтаксис (инвертированный порядок слов, неполные предложения, эллиптические конструкции, восклицательные и вопросительные предложения и т. д.). *Морфологические особенности:* сослагательное наклонение, пассивный залог, качественные прилагательные в сравнительной и превосходной степени, местоимение «мы», частицы, междометия, оценочные прилагательные, уменьшительно-ласкательные существительные и прилагательные. *Стилистические особенности:* ирония, менее выраженная категоричность, осторожность в высказываниях.

Маркеры маскулинности:

Лексические особенности: употребление стилистически сниженной лексики, намеренное огрубление речи, сленг, преобладание конкретной лексики над абстрактной, ярко выражена тенденция нейтральной лексики, вводные конструкции, отсылающие к собственным словам, термины. *Синтаксические особенности:* короткие предложения, подчинительная синтаксическая связь, где большую долю занимают придаточные места, времени и цели, нейтральный синтаксис. *Морфологические особенности:* употребление разных форм повелительного наклонения (императивы), по частотности употребления преобладают существительные, качественные и притяжательные прилагательные и числительные, активный залог, модальные глаголы со значением категоричности, местоимение «я». *Стилистические особенности:* сарказм, метафоры, связанные с борьбой.

Рассмотрим, как проявляются маркеры фемининности и маскулинности в речи Мишель О'Нил.

Мишель О'Нил (48 лет) – североирландский политик, лидер партии «Шинн Фейн» в Ассамблее Северной Ирландии с 2017 года и первый министр Северной Ирландии с 2024 года. Она стала первой в истории региона представительницей ирландских националистов на этом посту. О'Нил символизирует новое поколение «Шинн Фейн», дистанцирующееся от поддержки ИРА (Ирландская республиканская армия), и выступает за объединение Ирландии. В своей политике подчеркивает работу на благо всех жителей региона и уважение к разным сообществам. Всего в своем большом интервью “First Minister of Northern Ireland Michelle O'Neill” (2024) в передаче “The Late Late Show” Мишель О'Нил было использовано 165 лексико-стилистических маркеров фемининности. Самыми распространенными маркерами стали слова-интенсификаторы и слова-смягчители (51%):

(1) *I'm so proud, I am really really proud.* / Я очень горжусь, я действительно очень горжусь (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Н. Т.).

В данном примере употребляются самые распространенные слова-интенсификаторы в английском языке: “so” (в первой части предложения) и “really” (во второй части предложения употребляется дважды). Такая структура создает эффект нарастания эмоциональной интенсивности высказывания.

Однако стоит отметить, что Мишель О'Нил свойственно использование и слов-смягчителей, особенно часто это проявляется во фразовой конструкции «Я просто думаю». «Просто» выполняет функцию хеджирования – снижение категоричности. Тем самым политик минимизирует риск конфронтации, как бы создавая некую дистанцию между собой и утверждением на случай возможной критики, что подтверждается контекстом употребления – зачастую это темы, связанные с конфликтом в Северной Ирландии в XX веке:

(2) *But I just think it's important that we all step outside of our traditional comfort zones and find ways to reach others out there.* / Я просто думаю, что нам пора выйти из привычной зоны комфорта и найти способы достигать до других людей.

Вторым по частотности лексико-стилистическим маркером фемининности стала стилистически окрашенная лексика, характерная для женского дискурса (24%), а наиболее употребимым приемом является концептуальная метафора. На протяжении всего интервью Мишель О'Нил обращается к образу «путешествия, пути», который играет важную роль в формировании ее политического нарратива. Метафора пути имеет несколько функций в политическом дискурсе Мишель О'Нил.

Во-первых, это концептуализация политического процесса: политические события для упрощения восприятия аудитории представлены как этапы пути:

(3) *I didn't give up on the chance that we'd eventually **get to the point** that we got to two weeks ago. I'm so glad that **we are now there**.* / Я не теряла надежды на то, что мы в конечном итоге достигнем того уровня, к которому пришли две недели назад, и я очень рада, что мы сейчас на этом этапе.

Во-вторых, это создание образа совместного движения: Мишель О'Нил часто делает акцент на коллективном характере пути в неоднозначных для общества темах, что соответствует ее общей политической цели – объединению нации:

(4) *You know I just think that this is an **amazing** time to be a political leader particularly **in the journey that we've come through in the north*** (в этом примере также присутствует эпитет). / Вы знаете, я просто думаю, что сейчас удивительное время для того, чтобы быть политическим лидером, особенно на том пути, который мы прошли на севере.

И, наконец, это создание образа политического лидера: помимо коллективного пути, Мишель О'Нил подчеркивает свой индивидуальный путь и его значимость, чтобы создать образ сильного и целеустремленного лидера:

(5) *It's been a really really **fabulous journey**.* / Это был по-настоящему невероятный путь (букв. «путешествие»).

Все остальные лексико-стилистические маркеры фемининности выражены менее ярко. Процент употребления бытовой лексики – 13%. Использование такой лексики может быть объяснено характером самого интервью. Несмотря на обсуждение политических вопросов, стратегии и задач, поставленных перед политиком, интервью направлено на раскрытие личности Мишель О'Нил и носит личный характер:

(6) ***Mommy** was just amazing, **mommy** and **daddy** both, my whole family circle were absolutely amazing and still are today.* / Мама была удивительной женщиной, и мама, и папа были невероятными. Вся моя семья просто потрясающая и остается такой по сей день.

Употребление вводных конструкций, выражающих уверенность/неуверенность составляет 11% от общего числа лексико-грамматических маркеров фемининности в анализируемом материале:

(7) *It was it ... just was great, **I mean** I am a granny myself, you know.* / Это было... было здорово... ну, вы понимаете, я уже сама бабушка.

Употребление иронии – 1%. В данном случае Мишель О'Нил иронично высказывается о незначительной разнице в возрасте с коллегой, для которой крайне важен этот факт:

(8) *So, we're a similar age although she'd probably want me to point out that I am a little bit older just for the record.* / Итак, мы с ней ровесницы, хотя она, вероятно, хотела бы, чтобы я отметила, что я немного старше, ну так, для сведения.

Таким образом, стоит отметить, что наиболее частотными лексико-стилистическими маркерами фемининности в речи Мишель О'Нил являются слова-интенсификаторы или смягчители (51%) и стилистически окрашенная лексика (24%). Бытовая лексика (13%), вводные конструкции, выражающие уверенность/неуверенности (11%) и юмор/ирония (1%) были употреблены в меньшем количестве (Рисунок 1).

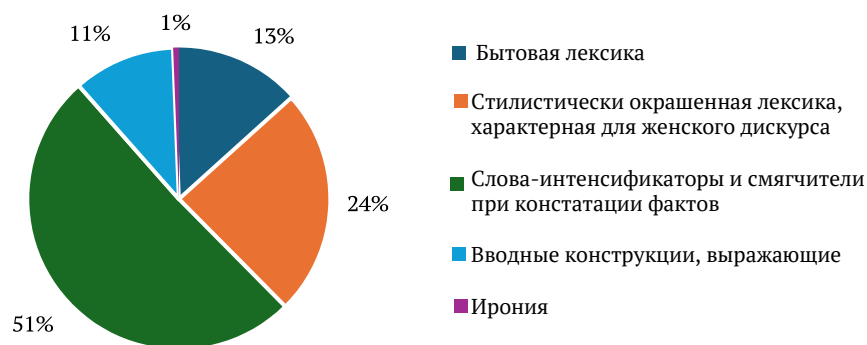

Рисунок 1. Лексико-стилистические маркеры фемининности

С целью более комплексной оценки речи Мишель О'Нил были также проанализированы грамматические маркеры фемининности. Их количество составило 102. Одним из наиболее частотных грамматических маркеров феминности стало местоимение «мы» (44%), которое свойственно «женскому стилю общения, предполагающему идентификацию себя с целевой аудиторией» (Попова, Кокорина, 2020, с. 104). В частности, в своей речи Мишель О'Нил часто апеллирует к социальному «Мы», обращаясь к нации, которая находится в затянувшемся политическом конфликте, представителем которого она отчасти является и сама:

(9) *But **we** have to respect that **we** all come from different perspectives, and **we** all have different narratives and actually different lived experiences.* / Но мы должны уважать тот факт, что все мы придерживаемся разных точек зрения и у всех нас разные взгляды на жизнь и, на самом деле, разный жизненный опыт.

Стоит отметить, что партийного «Мы» в нарративе Мишель О'Нил зафиксировано не было, а использование «Я» в данном контексте превалировало.

Свойственный для женского дискурса разнообразный синтаксис составил также 44%. Мишель О'Нил часто опускает сказуемое, подлежащее, также встречаются инверсия как стилистический прием, параллельные конструкции и риторические вопросы:

(10) *We have come from **two very different political backgrounds, two different lived experiences, two different outlooks** for where we think we should be in the future in particularly in relation to constitutional change. **But that's all right isn't it?*** (параллельные конструкции и риторический вопрос). / У нас совершенно разные политические бэкграунды, разный жизненный опыт, разные взгляды на то, какими, по нашему мнению, мы должны быть в будущем, особенно в том, что касается конституционных изменений. Но ведь это нормально, не так ли?

Также были отмечены случаи употребления сослагательного наклонения (7%). Чаще всего оно употреблялось в контексте гипотетической ситуации, которую создавал интервьюер с целью получения более развернутых или откровенных ответов от собеседника, однако, Мишель О'Нил использовала эффективные стратегии для уклонения от ответа или же снижения его категоричности:

(11) *I have a very open mind, and **I would gladly receive invitations** to anything that anyone wants to send me one for.* / Я открыта ко всему, я бы с радостью приняла любое приглашение, от кого бы и куда бы оно ни поступило.

Случаев употребления модальных глаголов со значением некатегоричности было зафиксировано 5% от общего числа грамматических маркеров фемининности в анализируемом материале. В следующем примере Мишель О'Нил использует модальный глагол с некатегоричным значением (could never), чтобы подчеркнуть невозможность полностью отблагодарить мать, тем самым смягчая высказывание и придавая ему эмоциональную глубину:

(12) *You **could never** thank her enough for just the sacrifice that she made so that her child could achieve.* / Невозможно отблагодарить ее в полной мере за ту жертву, которую она принесла ради того, чтобы ее ребенок смог добиться успеха.

Таким образом, стоит отметить, что наиболее частотными грамматическими маркерами фемининности в речи Мишель О'Нил являются местоимение «мы» (44%) и разнообразный синтаксис (44%). Сослагательное наклонение (7%) и модальные глаголы со значением некатегоричности (5%) были употреблены в меньшем количестве (Рисунок 2).

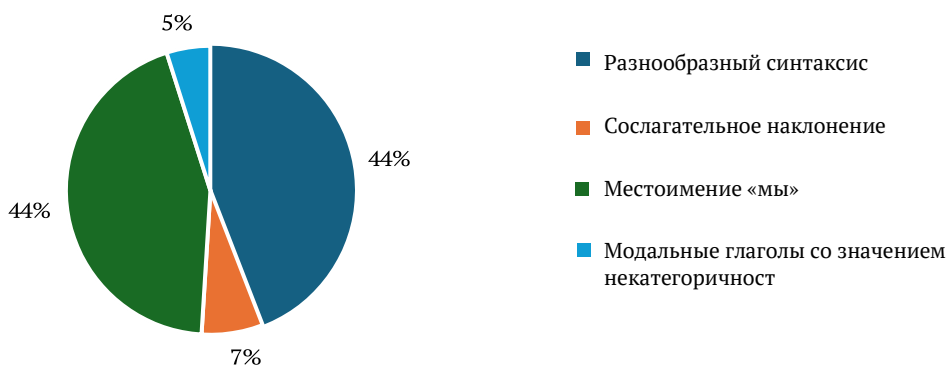

Рисунок 2. Грамматические маркеры фемининности

Приступим к рассмотрению языковых маркеров маскулинности в речи Мишель О'Нил. Анализ лексико-стилистических маркеров маскулинности выявил всего 43 случая употребления таковых. Наиболее частотный маркер – нейтральная лексика при констатации фактов (47%). Чаще всего такая лексика в речи политика употребляется в предложениях, где важно передать точность идеи и фактов:

(13) *I think that the alternative was the Good Friday agreement.* / Я думаю, что альтернативой было Белфастское соглашение.

В данном высказывании встречается уникальная реалья, присущая североирландской культуре, – “the Good Friday agreement”. Это название соглашения о политическом урегулировании конфликта в Северной Ирландии 10 апреля 1998 года, которое предусматривает создание автономных органов власти. Это соглашение было заключено в столице Северной Ирландии в Великую Пятницу (в русской культуре мы называем этот день Страстной пятницей), когда весь христианский мир вспоминает страдания, крестную смерть и погребение Иисуса Христа.

Термины составили 35% от общего количества лексико-стилистических маркеров маскулинности анализируемого материала. Чаще всего Мишель О'Нил употребляет такую лексику, обращаясь к историческому контексту и событиям или к текущим рабочим задачам:

(14) *I mean last year we celebrated 25 years of **the Good Friday agreement**.* / Я имею ввиду, что мы отметили 25-летие Белфастского соглашения.

(15) *It's fine to have that different viewpoint but also working towards day-to-day things like **public services, health, education, childcare**.* / Это прекрасно – иметь другую точку зрения, но при этом работать над улучшением госуслуг, здравоохранения, образования, охраны детства.

Стилистически окрашенная лексика, характерная для мужского дискурса, составляет 16% от всех лексико-стилистических маркеров маскулинности в речи Мишель О'Нил. Следующий пример представляет собой разговорный фразеологизм, используемый в неофициальной, повседневной речи для обозначения насущных, жизненно важных проблем, что снижает общий регистр:

(16) ...to try to work hard for people every day on **the bread-and-butter issues**... / ...мы упорно работаем над решением насущных проблем (букв. «вопросов, составляющих хлеб и масло нашей жизни»).

Проанализировав весь языковой материал, мы получили следующие данные: нейтральная лексика при констатации фактов (47%) и термины (35%) являются самыми частотными лексико-стилистическими маркерами маскулинности в речи Мишель О'Нил. Наименее употребимыми стали стилистически окрашенная лексика, характерная для мужского дискурса (16%), сарказм (2%), а вводные конструкции, отсылающие к собственным словам, и вовсе отсутствуют (Рисунок 3).

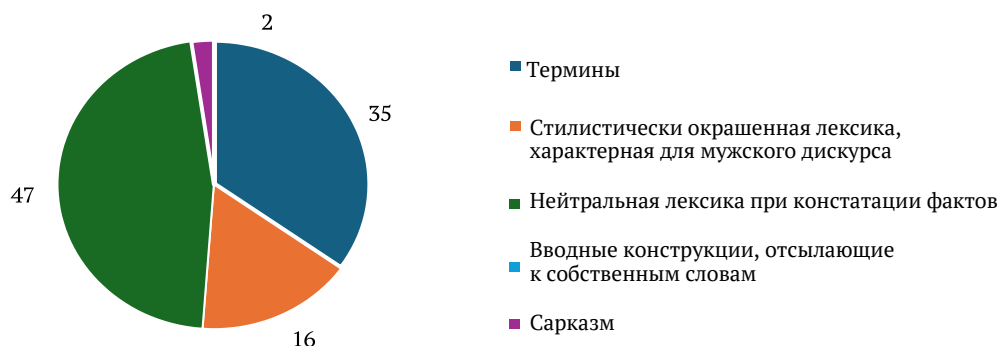

Рисунок 3. Лексико-стилистические маркеры маскулинности

Было обнаружено 142 грамматических маркера маскулинности. Из них в речи Мишель О'Нил наиболее часто встречается местоимение «я» (66%), что обычно не свойственно женскому политическому дискурсу. Важно отметить, что при вынесении подобного вывода учитывался факт того, что русскоязычная культура не совпадает с англо-саксонской, где употребление «я» не считается привилегией мужчин. Можно выделить несколько функций, которые выполняет использование «я» в речи Мишель О'Нил.

Маркер личной ответственности: Мишель О'Нил в ходе интервью неоднократно подчеркивает личную, а не коллективную ответственность за политические решения и действия, что помогает формировать образ ответственного политика, готового реализовать данные обещания:

(17) **I also know that that comes with enormous responsibility but I'm up for that.** / Я также знаю, что это сопряжено с огромной ответственностью, но я готова к этому.

Инструмент построения авторитета: местоимение «я» в речи Мишель О'Нил часто используется в сочетании с глаголами намерения и желания в модальном контексте, что помогает утвердить авторитетную позицию говорящего и создать образ решительного лидера, способного вести за собой других:

(18) **I will work night and day to represent everybody fairly in our society.** / Я буду работать день и ночь, чтобы честно представлять интересы каждого.

Средство персонализации: рассказ о личном опыте, выражение личного отношения к трагическим событиям прошлого / другим аспектам (частое употребление фразы "I think") или утверждение собственной идентичности используются как инструмент установления связи с аудиторией, что делает политика более доступным и понятным для общества:

(19) **I regret every single loss of life.** / Я сожалею о каждой потерянной жизни.

(20) **I had my first child when I was 16.** / Первый ребенок у меня появился в 16 лет.

Нейтральный синтаксис в речи Мишель О'Нил является вторым по частотности грамматическим маркером (23%):

(21) **I'm so glad for all those people.** / Я так рада за всех этих людей.

Были зафиксированы случаи использования модальных глаголов со значением категоричности (6%). Наиболее частотный – to have to, который в большинстве случаев употребляется с призывом к уважению двух сторон исторического конфликта:

(22) **And I think we have to respect that everybody has a right to remember their dads.** / И я думаю, мы должны уважать право каждого человека чтить своих предков.

Наименее выраженный грамматический маркер маскулинности – императивы (5%). Чаще всего в речи Мишель О'Нил используется императив "let" для призыва к совместным действиям пацифистского характера, то есть политик использует данную конструкцию для объединения различных групп общества, что можно считать удачным приемом, вызывающим к чувствам людей, в контексте исторического конфликта, который часто упоминается в ходе интервью.

(23) **Let's make sure that those circumstances never ever arise again. Let's make sure that we build a better society. And also, let's find ways try to allow people to heal.** / Давайте сделаем так, чтобы подобные обстоятельства никогда больше не возникали. Давайте сделаем так, чтобы мы построили лучшее общество. А также давайте найдем способы помочь людям исцелиться.

Таким образом, наиболее частотным грамматическим маркером маскулинности является местоимение «я» (66%). Наименее распространенными стали нейтральный синтаксис (23%), модальные глаголы со значением категоричности (6%) и императивы (5%) (Рисунок 4).

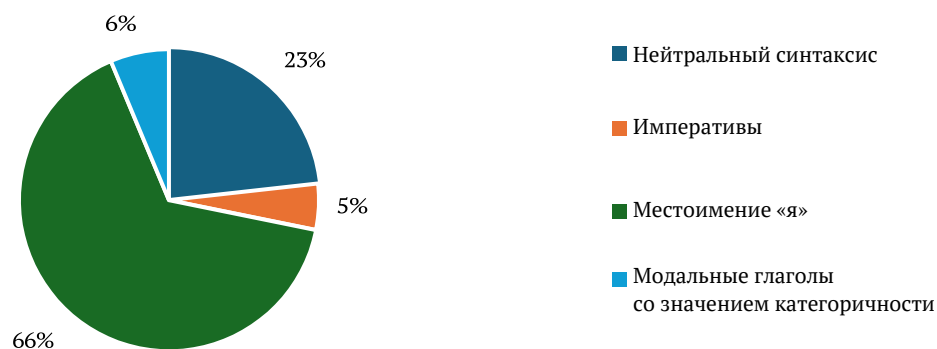

Рисунок 4. Грамматические маркеры маскулинности

Таким образом, можно сделать вывод, что в речи Мишель О'Нил преобладают маркеры фемининности в соотношении 267 к 185 (62% к 38%), что указывает на преобладание фемининной стратегии в ее коммуникации (Рисунок 5). С помощью лексико-стилистических и грамматических маркеров фемининности выражается ориентация на стратегию примирения, заботу о будущем поколении, инклюзивность и стремление к диалогу между различными группами общества. Важным аспектом является постоянный акцент на необходимости мира и объединения, а также готовность учитывать интересы всех сторон и работать на благо всего общества.

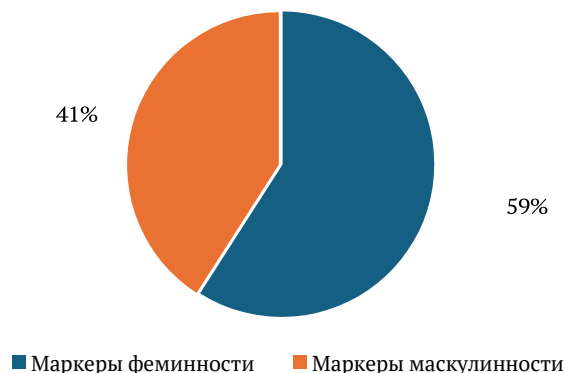

Рисунок 5. Сравнение количества маркеров фемининности и маскулинности

Однако в речи также заметна высокая частота самореференций («я», «мне», «мой», рассказы о собственном опыте и чувствах), что, согласно лингвистическим исследованиям, может рассматриваться как маркер маскулинности, связанный с проявлением авторской позиции, демонстрацией лидерства и ответственности. Таким образом, несмотря на количественное доминирование феминных маркеров, присутствие выраженных маскулинных черт, связанных с самопрезентацией и личной ответственностью, указывает на сбалансированный и гибкий стиль коммуникации.

В целом, речь Мишель О'Нил демонстрирует сочетание фемининных и маскулинных стратегий: с одной стороны, она строит образ лидера, ориентированного на миротворчество, эмпатию и инклюзивность, а с другой – подчеркивает свою личную вовлеченность, лидерство и готовность брать на себя ответственность за принятие решений. Такой подход способствует формированию доверия и поддержке со стороны широкой аудитории, что особенно важно для современной политической ситуации в Северной Ирландии.

Также особое внимание привлекает акцент Мишель О'Нил, функционирующий как маркер региональной и культурной идентичности. В контексте политической коммуникации сохранение регионального акцента может рассматриваться как стратегия конструирования аутентичности и поддержания связи с электоратом. Примечательно, что для женщин в политике характерно более частое «нивелирование» региональных акцентов в пользу нормативного произношения, поэтому сохранение Мишель О'Нил диалектных особенностей может интерпретироваться как проявление уверенности в своей идентичности.

Анализ коммуникативных стратегий политика позволяет выделить несколько ключевых моделей поведения. Ведущий создает комфортную атмосферу, начиная интервью с поздравлений и вопросов личного характера, что позволяет ей постепенно адаптироваться к ситуации интервью. Реакция политика – улыбки и смех – демонстрирует принятие этой стратегии и готовность к открытому диалогу. Улыбка и легкий смех как реакция на вопросы личного характера являются типично феминными маркерами коммуникации, создающими атмосферу доверия и расположения. При этом Мишель О'Нил демонстрирует высокий уровень коммуникативной компетентности, проявляющийся в умении поддерживать баланс между фемининными и маскулинными стратегиями коммуникации. Политик избегает проявления негативных эмоций в потенциально конфликтных

темах, что отражает маскулинную стратегию рациональности и контроля над эмоциями. Даже при обсуждении трагических событий прошлого эмоциональный фон ее высказываний остается стабильным, что свидетельствует о высоком уровне самоконтроля и профессионализме, традиционно ассоциируемых с маскулинным стилем политической коммуникации.

Заключение

Речевое поведение женщины-политика в ходе политического интервью объективируется в стилистических, лексических, синтаксических, а также гендерных и культурно-социальных характеристиках текстовой коммуникации, которые выступают как комплекс гендерно-речевых маркеров, в разной степени детерминирующих процесс/результат восприятия речи. Речевые маркеры текстовой формы политической коммуникации в решающей степени репрезентируют маскулинные/фемининные характеристики интервьюируемого политика и могут использоваться как средство оптимизации социально-политического диалога, когда в зависимости от конкретных условий ситуации общения женщина-политик намеренно усиливает или минимизирует существующие речеполовые различия.

Полученные количественные данные о частотности употребления маркеров фемининности и маскулинности в речи североирландского женщины-политика Мишель О'Нил позволяют сделать следующие выводы. В современном британском/североирландском женском политическом дискурсе маркеры фемининности проявлены несколько ярче, чем маркеры маскулинности (59% и 41% соответственно). На лексико-стилистическом уровне самым распространенным маркером фемининности в речи Мишель О'Нил являются слова-интенсификаторы или смягчители при констатации фактов (51%), самым же распространенным маркером маскулинности на этом уровне является нейтральная лексика при констатации фактов (47%). Что касается грамматического уровня, то здесь фемининность максимально реализуется в разнообразном синтаксисе (44%), а маскулинность, напротив, в нейтральном синтаксисе (66%). Наименьшая частотность употребления маркеров фемининности на лексико-стилистическом уровне приходится на иронию (1%), а маркеров маскулинности – на слова-интенсификаторы (2%). На грамматическом уровне в качестве маркеров фемининности в речи политика реже всего можно встретить модальные глаголы со значением некатегоричности (5%), а в качестве маркеров маскулинности – императивы (5%).

Маркеры фемининности позволяют сделать речь более живой, откровенной, эмоциональной, подчеркнуть важную мысль, снизить категоричность высказывания, тогда как маркеры маскулинности позволяют давать аргументированные и четкие оценки фактов, доминировать в ходе политического интервью и жестко отстаивать свою позицию.

Перспективы дальнейшего исследования включают расширение корпуса анализируемых текстов, определение новых женских политических фигур, сравнительно-сопоставительный анализ речевого поведения женщин-политиков из разных лингвокультур, а также исследование влияния цифровых медиа на трансформацию гендерных маркеров в политической коммуникации.

Материалы исследования | Research materials

1. "A new beginning" – Michelle O'Neil on Catherine Connolly's presidency. 2025. <https://yandex.ru/video/preview/6754643041006895751>
2. First Minister of Northern Ireland Michelle O'Neill – Full Interview // The Late Late Show. 2024. <https://rutube.ru/video/e91a3e6b5cc74e69bf1294b2e6529604/?ysclid=mihk885pr0977470734>
3. Michelle O'Neil to break new ground by attending Remembrance Day in Belfast. 2024. <https://yandex.ru/video/preview/1876556429584139951>
4. N. Ireland – Michelle O'Neil Refuses to define what a woman is. 2025. <https://yandex.ru/video/preview/2254928610079211257>

Источники | References

1. Бадмаева Е. С. Концептуальные пространства маскулинности и фемининности: на материале фразеологизмов и паремий: дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2010.
2. Большаков С. Н., Лескова И. В. Гендерные аспекты дискурса политической элиты // Политконсультант. 2024. Т. 4. № 2.
3. Зиновьева Е. С. Лингвистические средства дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 20 (4). <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-4-20-30-39>
4. Карасик В. И. Маршруты лингвокультурологии: концепты, сценарии, типаж, сюжеты // VI Всероссийская научная конференция «Филологические чтения – 2023». 2024. <https://telegra.ph/Karasik-VI-MARSHRUTY-LINGVOKULTUROLOGII-KONCEPTY-SCENARIJ-TIPAZHI-SYUZHETY--VI-Vserossiiskaya-nauchnaya-konferenciya-Filologiche-04-24>
5. Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147>

6. Копоть Л. В. Актуализация гендера в медийном дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 4 (64).
7. Павлова М. П. Языковые механизмы конструирования феминности в дискурсе глянцевого журнала (на материале английского и русского языков) // Научный аспект. 2024. № 5.
8. Полонянкина Н. В. Особенности конструирования гендерной идентичности в современном политическом медиадискурсе Германии (на примере прозвищных наименований женщин-политиков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 8. <https://doi.org/10.30853/phil20220429>
9. Попова Т. Г., Кокорина К. А. Гендерный фактор женского политического дискурса (на материале публичных выступлений Т. Мэй) // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). <https://doi.org/10.26170/pl20-03-11>
10. Шейгал Е. И. Проблемы гендерной идентичности американских военнослужащих в современном американском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2008. № 24.

Информация об авторах | Author information

RU**Тимко Наталья Валерьевна¹**, к. филол. н., доц.¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации**EN****Natalia Valerievna Timko¹**, PhD¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)¹ timko_n_v@my.mgimo.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.10.2025; опубликовано online (published online): 28.11.2025.

Ключевые слова (keywords): маркеры феминности; маркеры маскулинности; речевое поведение женщин-политиков; женский политический дискурс; репрезентация феминности/маскулинности в речи; markers of femininity; markers of masculinity; speech behavior of female politicians; female political discourse; representation of femininity/masculinity in speech.